

Опять Москва

В конце 1949 года жизнь наша резко переменилась, отец сообщил, что мы переезжаем в Москву. Для отца это решение Сталина оказалось еще неожиданней, чем для нас, и, несмотря на то что в 1947 году все обошлось, оно вселило в его душу новую тревогу. Тогда любые перемены в судьбах людей, особенно высокопоставленных, вселяли тревогу. Сталин разыскал отца во Львове, его вызвали к телефону во время выступления на собрании студентов местного Политехнического института. Передали записку с просьбой позвонить «самому». Ничего не объясняя, Сталин спросил, когда отец может прилететь в Москву?

– Если срочно, то завтра, – ответил отец.

– Хорошо, приезжайте, – Сталин положил трубку.

Сталин нередко так поступал перед расправой с очередной жертвой: неожиданный вызов в Москву, а там... Несколько успокоил отца разговор с Маленковым, он отзвонил ему сразу после разговора со Сталиным. Маленков заверил, что оснований для волнений нет.

Не знаю, успокоили ли его слова отца или еще более обеспокоили, время-то вновь наступало непредсказуемое. Набирало обороты «Ленинградское дело». 13 августа арестовали Алексея Александровича Кузнецова, а совсем недавно Сталин называл его своим преемником в качестве главы Коммунистической партии. 27 октября арестовали Председателя Госплана Николая Алексеевича Вознесенского, еще одного сталинского фаворита. Так что беспокоиться было о чем.

Во Львов отца привело убийство западноукраинского публициста и писателя Ярослава Галана, ратовавшего за объединение всех украинцев в Советской Украине и яростного противника националистического подполья – бандеровцев. Степан Бандера, сын священника, бывший студент Львовского политехнического института, боролся за украинскую независимость со всеми. Пока Западная Украина входила в состав Польши – с поляками, за что они его посадили в тюрьму. Откуда его выпустили советские войска, вошедшие в 1939 году во Львов. Он тут же начал воевать против своих освободителей, ради чего вступил в союз с Гитлером. К началу войны Бандера стал одним из организаторов Украинской дивизии СС «Нахтигаль» (соловей). Не получив обещанной немцами независимости, Бандера повернул оружие против них. В 1944 году, после освобождения Западной Украины от немцев, возобновил войну с Советской Армией, с новой украинской властью, с лояльными ей украинцами, со всеми, кто не с ним. А с ним оставались многие, если не сказать большинство западноукраинского населения, и в селах, и в городах. Поначалу в прикарпатских лесах прятались целые вооруженные отряды. Когда их разгромили, тактика борьбы изменилась, бандеровцы разошлись по селам. Днем они мирно трудились на полях, а ночью доставали из схронов оружие и убивали «продавшихся москалям» соседей, советских солдат, местных администраторов, просто неосторожных путников. Потери с обеих сторон были огромны: до двадцати тысяч советских военнослужащих и пятьдесят тысяч гражданских лиц и примерно столько же со стороны бандеровцев. Настоящая война.

Теперь в центре Львова, в собственной квартире, убили Галана, его зарубил топором боевик подполья, представившийся студентом Лесотехнического института. Так же, как Роман Меркадер в 1940 году зарубил Льва Троцкого. Как и Меркадер, убийца завоевал доверие Галана, стал вхож в дом и, уловив момент, раскроил писателю череп.

Резонанс это убийство вызвало огромный, хотя в прессе, естественно, не появилось никаких деталей. Отец поехал во Львов разобраться. В этих условиях приказ Сталина не вселял оптимизма.

К счастью, все обошлось. Сталин встретил отца милостиво, предложил ему переехать в Москву, снова возглавить Московскую партийную организацию. «Ленинградское дело»

не на шутку испугало дряхлеющего вождя. Он почти поверил, что и Кузнецов, и Вознесенский, и другие покушаются на его власть да и на него самого. Теперь, после получения анонимного доноса на секретаря Московского комитета партии Г. М. Попова, Сталин боялся появления новых врагов уже в Москве. Во главе столичной власти он хотел иметь доверенного человека. Выбор пал на отца, Сталин ему верил, по крайней мере больше, чем другим. В такой ситуации самое легкое и «естественное» понять намек, исполнить не высказанный прямо приказ поступить так, как до отца поступали другие. Но москвичам повезло, улучив момент, отец доложил «хозяину», что донос ложный. Сталин не настаивал и несостоявшееся «московское дело» сдали в архив.

Свое особое расположение к отцу он продемонстрировал буквально на следующий день после появления отца в Москве, 21 декабря 1949 года, в вечер празднования собственного семидесятилетия усадил его в президиуме торжественного собрания, проходившего в Большом театре от себя по правую руку. Слева от Сталина сидел Мао Цзэдун.

Пришла пора и нам прощаться с Межигорьем и с Осиевской. Переезд в Москву мама назначила на первую неделю января 1950 года, на школьные каникулы, так, чтобы дети не пропустили ни одного дня занятий.

Вновь я попал в Межигорье уже после смерти Сталина, в 1950-е годы. Отец поехал по делам в Киев и прихватил с собой меня. Тогда Украину возглавлял Николай Викторович Подгорный, соответственно он же занимал и бывшие отцовские резиденции. Мы проехали столь привычным и одновременно ставшим каким-то не таким путем. С Лукьяновки по Крымской горке спустились вниз на Подол, но не былым булыжным узким серпантином, а спрямленной заасфальтированной широкой дорогой. На Подоле свернули налево и бесшумно покатали по тоже заасфальтированной улице. Только трамвайные пути посередине да по правой руке школа из серо-желтого кирпича напомнили мне о детстве. Перед войной из-за нее мы ссорились с сестрой Радой до слез. Я, тогда еще неграмотный, гордо «читал» на ее фронте «Школа», а Рада, уже грамотная третьеклассница, поправляла меня «Шкла». Буква «о» свалилась, вот и осталось «Шкла». Я с ревом набрасывался на нее, требуя восстановить справедливость: школа есть школа, а не шкла какая-то.

Межигорье не оправдало моих ожиданий, все там как-то съезжилось, потускнело. Но постепенно бывшее очарование восстанавливалось, те же цветочные грядки с «майорами» и эконизиями, на них я когда-то ловил бабочек-махаонов, те же дорожки, на дорожках те же лепешки разбитых груш, над ними жужжат те же осы и шершни, порхают все те же бабочки-адмиралы и павлиноглазки.

Последний раз я попытался проникнуть в Межигорье в 1991 году. Шла перестройка, набирала силу «борьба с привилегиями», новый украинский лидер Леонид Кравчук покинул резиденцию, там теперь никто не жил. В тот год я с американским профессором Вильямом Таубманом (он работал над биографией отца) путешествовал по отцовским местам, посетили Калиновку, Донбасс и вот наконец добрались до Киева.

Первым делом мы поехали на Осиевскую улицу. В резиденции теперь располагалась детская республиканская больница, сплошной некрашеный деревянный забор сменила металлическая решетка, за ней все тот же одноэтажный домик, где мы жили, на поле, где отец экспериментировал с персиками, приучал и приучил их расти в киевском климате, возвышалась серая башня больничного корпуса.

Казавшийся бездонным пруд, в нем бабушка пестовала гусей и уток, обмелел, превратился в какую-то лужу. Видимо, он и раньше был таким, это я изменился. Даже огромная ветла у пруда, в нее когда-то попала молния и проделала в коре дорожку от верхушки до комля, больше не казалась великаном. Мы попросили у новых хозяев-медиков разрешения осмотреть дом, где жил отец. В его левом крыле, в бывшей столовой, шло заседание ученого совета. Справа, в спальне отца разместился кабинет директора.

С Осиевской мы поехали в Межигорье. Однако туда вопреки надеждам на перестройку и ликвидацию привилегий нас не пустили. Молодой охранник сквозь щелочку чуть приоткрытой калитки мельком глянул на документы, запер дверь и ушел совещаться с начальством. Дали от ворот поворот. Так я не попал в Межигорье в период горбачевской вольницы и, видимо, больше не попаду.

В Москве до отъезда в Киев наша семья жила в доме правительства на улице Серафимовича, дом 3, в 12-м подъезде, как мне представляется, на шестом этаже, в квартире 206. Квартиру я совершенно не помню, в моей памяти остались только окно и вид из окна. Мама меня ставила на подоконник. На противоположном берегу Москвы-реки вовсю строили Дворец Советов – выкопали огромный котлован, в нем огни электросварки и переплетение огромных стальных балок – каркас будущего здания. Уезжая в Киев, отец освободил квартиру – она принадлежала Управлению делами Совета народных комиссаров СССР, но бесквартирье продолжалось недолго. В 1939 году, сразу после избрания в Политбюро ЦК, ему предоставили новую, много большую, чем даже в доме правительства, семикомнатную дореволюционную купеческую квартиру № 95 на пятом этаже дома № 3 по улице Грановского (теперь ее переименовали в Романов переулок), рядом с Кремлем, позади «старого» Московского университета. Отец останавливался тут во время кратких наездов в Москву по сталинскому вызову или иным делам.

В этой квартире мы и поселились по возвращению в Москву. Напротив нас на той же лестничной площадке жил Николай Александрович Булганин, в тридцатые годы – председатель Моссовета, а теперь министр вооруженных сил. Этажом ниже, под нами, располагалась квартира Георгия Максимилиановича Маленкова. У отца с ним установились дружеские отношения еще с довоенных времен. Тогда Маленков заведовал кадрами, сначала в Московском комитете партии, потом в ЦК, без него не происходило ни одно мало-мальски серьезное назначение. Сейчас он продвинулся еще выше, стал правой рукой Сталина и одновременно его доверенным высокопоставленным «секретарем». Вроде Бормана при Гитлере. Под Булганиными – квартира героя Гражданской войны, командира легендарной Первой конной армии Семена Михайловича Буденного. На третьем этаже жил маршал Семен Константинович Тимошенко, нарком обороны в предвоенные годы, а до того – командующий Киевским военным округом, тоже хороший знакомый отца. Кто еще жил в нашем центральном, выходящем в хилый московский дворик, подъезде, не помню.

Началась московская жизнь. Я пошел в новую школу № 110. В отличие от моей киевской школы № 24, здесь потребовалось осваивать латынь. Сталин к концу жизни почему-то решил вернуться к классическому образованию, и на нас тогда ставили эксперимент. В середине учебного года мне приходилось наверстывать упущенное, зубрить латинские слова, спрягать глаголы, осваивать еще много иных премудростей давно умершего языка. Отвечать у доски приходилось часто и никогда успешно. Наш латинист Иван Антонович, если не ошибаюсь, учитель с еще дореволюционным стажем, ставя очередную двойку, поучал меня дежурной притчей о быстроногом Ахиллесе, который никак не может догнать черепаху. Так я ее и не догнал.

Зато я стал первым по английскому языку. В Киеве, сразу после войны, мама решила сама выучить английский язык и нас, детей, к нему приохотить. Учительницу звали Мирра Абрамовна. После двух лет интенсивного обучения, а Мирра Абрамовна нам спуску не давала, знаний английского мне хватило на всю оставшуюся жизнь.

Дачу отцу предоставили в Огареве, так теперь называлось бывшее поместье великого князя Сергея Александровича, одного из московских генерал-губернаторов. Роскошный двухэтажный кирпичный дом, с оконными переплетами в виде крестов, огромным зимним садом с пальмами и даже бананами, правда не плодоносящими, с каменными львами у парадного входа.

Неподалеку, в Зубалове, жили Микояны. Я сдружился с младшим сыном Анастаса Ивановича, Серго, он старше меня на шесть лет, закончил Институт международных отношений и стал обладателем «шикарного» трофейного «мерседеса», еще довоенного, правда, простоявшего без движения в гараже на даче его дяди-авиаконструктора Артема Ивановича восемь послевоенных лет. В 1945 году Артем Иванович привез его из Германии, тогда оттуда тащили всё, что только можно. Но покататься на «мерседесе» Артему Ивановичу не пришлось, началась холодная война, а с ней и эра реактивной авиации. Артем Иванович дневал и ночевал в конструкторском бюро, сначала делали Миг-9, потом – знаменитый Миг-15. На работу его возили на служебной «Победе», а в редкие выходные он отсыпался. Тут не до катаний.

За разработку Мига-15 Артем Иванович получил в 1948 году Сталинскую премию, а к ней в придачу – «просто» премию в полмиллиона рублей (немыслимая сумма по тем временам) и личный подарок от Сталина – автомобиль ЗИМ.

В гараже на даче срочно потребовалось место для ЗИМа, да и две машины Артем Иванович считал ненужной роскошью, он и с одной не знал что делать. Тогда-то Серго стал обладателем дядиного «мерседеса», правда, почти недвижимого. За долгие годы стоянки в неотапливаемом сарае-гараже аккумулятор приказал долго жить, все резиновые трубки растрескались, в мотор набилась пыль и сор. Заводские механики, по просьбе Артема Ивановича вдохнули в автомобиль жизнь, привели его в относительный порядок, и передали его Серго с рук в руки. Однако руки оказались разными. В наших руках он то никак не желал заводиться, а если и заводился, то глох в самый неподходящий момент.

Подчинялся «мерседес», тоже без особой охоты, только старшему брату Серго, Ване, работавшему у дяди в КБ и, главное, умевшему делать все: не только конструировать самолеты, но и шить шторы, строить дома, мостить дороги и уж конечно заводить автомобили. Серьезно противиться ему автомобиль не смел, обиженно прочихавшись, начинал недовольно урчать. Серго гордо усаживался за руль, я устраивался рядом, и мы отправлялись в полуторакилометровое путешествие от микояновской дачи к нашей. Метров через триста «мерседес», убедившись, что Ваня остался дома, пару раз стрельнув мотором и выпустив из выхлопной трубы облако вонючего дыма, останавливался. На нас с Серго он никак не реагировал, хотя мы все делали, как учил Ваня: продували насосом карбюратор, отсоединяли и снова присоединяли трубки бензопроводов, осторожно пинали босыми ногами колеса. Ничего не помогало. Отчаявшись, мы отправлялись назад за Ваней. Он никогда не отказывал, брел с нами к месту, где «мерседес» заартачился, и через пару минут, поняв, что сопротивление бессмысленно, автомобиль в его руках заводился. Ваня отправлялся пешком назад, а мы продолжали путешествие. Расстояние между дачами мы обычно одолевали в три-четыре приема, и времени тратили побольше, чем на пешую прогулку, я уже не говорю о велосипедной. Но зато – за рулем собственного автомобиля!